

Рыба гниет с головы

Автор:

[Кирилл Казанцев](#)

Рыба гниет с головы

Кирилл Казанцев

Суперкоп #3

Лейтенант Управления собственной безопасности Антон Копаев хотел защитить девушку от хулиганов, но потерял сознание и оказался в пустом вагоне товарного поезда без денег, телефона и документов. У него ретроградная амнезия, и вспомнить, что произошло, не удалось. Не без труда он добрался до небольшого уральского городка Сарапинска, но там был задержан нарядом полиции и доставлен в ОВД. Вот тут-то лейтенанту и пришлось столкнуться с теми, с кем он боролся на протяжении всей своей жизни, – с «оборотнями в погонах»: алчными, жестокими и беспринципными ментами...

Кирилл Казанцев

Рыба гниет с головы

Глава 1

Все совещание руководства ГУВД свелось к одному вопросу – вступлению в должность полковника Рамазанова. Начальник Управления собственной безопасности полковник Быков этому назначению не особенно радовался, потому что оснований недолюбливать Рамазанова у него было более чем достаточно. Карьерист, человек, имеющий связи не только в правительстве

области и среди местных депутатов, но и в Москве, да и вообще человек сам по себе неприятный.

После представления нового заместителя начальника совещание быстро пробежалось по текущим делам и свернулось как бы на «полуслове». Быков посмотрел на часы, хмуро представил, сколько дел он сегодня так и не успеет завершить, и попытался спланировать остаток дня. Офицеры выходили из актового зала, громко переговариваясь. Никто не торопился в свои кабинеты, и это Быкова тоже очень злило.

Плюнув на вежливость, он стал протискиваться к двери, бросая по сторонам короткие извинения. Забежав в свой кабинет, быстро избавился от формы, переодевшись в летние брюки и легкую рубашку, рассовал по карманам удостоверение, ключи и всякую мелочь. В первую очередь необходимо было встретиться с Антоном Копаевым, а потом и за другие дела братья. Антон и так ждет его уже минут тридцать в условленном месте.

Молодой лейтенант, которого Быков совсем недавно перетянул в свое Управление, проявил себя как смелый, умный и честный работник. Собственно, Алексей Алексеевич, предлагая Антону перейти на работу к нему, несколько сомневался не в личных и профессиональных качествах молодого офицера – совсем другое его беспокоило.

Антон в подростковом возрасте пережил гибель матери. И не просто гибель, а убийство подонком в милицейской форме. Тогда это ведомство еще называлось «милицией». Подонок оказался со связями и ушел от ответственности. Преступление так и осталось нераскрытым, хотя многие и догадывались о том, кто виновник и как все произошло. А преступника просто перевели из областного центра в один из дальних районов.

До Антона тогда дошла информация, кто мог быть убийцей его матери, но он не знал фамилии. И мальчик задался целью найти и покарать преступника, чего бы это ему ни стоило. Он стал активно заниматься спортом, добился того, чтобы срочную службу в армии его направили проходить в ВДВ. И попал он не просто в десант, а в спецназ.

После службы поступил в юридический институт МВД, закончил его с отличием, но отказался оставаться по распределению в областном центре, на что имел

полное право, а выбрал район, в который много лет назад перевели на работу убийцу его матери. Антон не просто нашел его, но и раскрыл преступную среду в местном УВД. Тогда-то Быков с Копаевым и познакомился, тогда и пригласил молодого лейтенанта к себе в Управление.

Очень беспокоило Алексея Алексеевича, что Антон пошел работать в полицию с одной лишь целью – отомстить за смерть матери. А когда месть свершилась, Антон остался работать в органах, как подозревал Быков, чтобы продолжать мстить. Но теперь он мстил другим, тем, кто был повинен в преступлениях против других граждан, кто позорил погоны и звание полицейского.

Открыто Антон никогда со своим начальником на эту тему не разговаривал, но подозрения у полковника остались. И его очень беспокоило, что это чувство мести будет мешать Антону в работе, затмит разум, помешает бесстрастно и объективно решать вопросы.

– Алексей Алексеевич! – раздался за спиной голос, когда Быков взялся за ручку двери своей машины.

Полковник обернулся и увидел подходившего к нему высокого статного Рамазанова в форменной фуражке с высокой тульей. Какого черта ему надо? Быков по службе подчинялся только начальнику ГУВД, но элементарное приличие требовало уважительного отношения и к его заместителям, начальникам других подразделений, даже если они тебе лично не нравились, даже если ты подозревал их во всех смертных грехах. Пока доказательств нет, твое личное отношение – это твое личное дело. А полковник Быков никогда личное и служебное не смешивал.

– Да, я вас слушаю, – вежливо, но сухо ответил он.

– Не в службу, а в дружбу, – улыбнулся одними губами Рамазанов. – Не подбросите меня? Так опаздываю, что даже до такси добежать не успею. Всего два квартала, а?

В этой ситуации отказывать было глупо. Ни один здравый довод не выглядел бы достаточно убедительным. Наоборот, чем серьезнее был бы довод, тем яснее сказывалось бы неприязненное отношение Быкова к Рамазанову. Этот хлыщ умел создавать ситуацию, в которой не отказывают, даже если очень хочется.

– Хорошо, садитесь, – кивнул Быков и открыл дверцу. Он дождался, пока Рамазанов снимет свою фуражку и взгромоздится рядом на сиденье. – Вам в какую сторону?

Полковник махнул рукой прямо и снова изобразил улыбку. Быков уже не сомневался, что Рамазанов хочет просто поговорить, и никуда он, конечно же, не опаздывает. Значит, надо быстро начать разговор, а потом так же быстро завершить его, иначе он точно ничего сегодня не успеет.

Они проехали ровно два квартала, когда Рамазанов попросил Быкова припарковаться возле сквера в тенистом месте. Быков внутренне выругался, но послушался. Именно в этом сквере его и ждал сейчас Антон Копаев. Он рассчитывал высадить Рамазанова, потом сделать круг через соседнюю улицу и снова вернуться к скверу, чтобы подхватить своего сотрудника. Теперь придется выкручиваться. Правда, Антон парень грамотный: поняв ситуацию, не кинется сразу к машине.

– Вы хотели поговорить, – заглушив двигатель, произнес Быков. – Я слушаю вас. Только, пожалуйста, покороче, а то я в самом деле спешу.

– А вы проницательный человек, Алексей Алексеевич, – одобрительно заметил Рамазанов. – Это даже очень хорошо в нашем деле, не придется многого объяснять.

– В каком это «нашем» деле? – не удержался Быков от колкости. – Совместных с вами у меня вроде как и нет.

– А совместная работа в полиции – это не общее дело? – сделал вид, что очень удивился, Рамазанов. – Удивляете вы меня. Уж не противопоставляете вы себя всем остальным органам внутренних дел?

– Ни боже мой! – заверил Быков. – Я как бы, наоборот, радею за эти самые органы, за чистоту их рядов и никоим образом себя от других сотрудников не отмежевываю. А сказал я так потому, что по службе у нас с вами никаких пересечений не существует. Так что вы мне хотели сказать?

– Я хотел просто поговорить, понять вас, если уж на то пошло. Разные слухи о вас в ГУВД ходят. Я вроде и не первый день работаю, а все равно узнаю чуть ли не каждый день все новые и новые подробности. Вы прямо-таки местная инквизиция, непримиримый борец, адепт веры.

– Не думал, что это так плохо, – пожал плечами Быков, пытаясь рассмотреть в сквере Антона. – Любое дело, особенно в трудные годы для страны, для организации, всегда держалось на фанатиках.

– Что это за трудные годы такие? – вдруг сменил тон Рамазанов. Теперь он говорил раздраженно. – Для страны трудные? Это чем же, позвольте вас спросить? А для наших органов чем они трудные? Мы избавились от старого бремени, от балласта нерадивых сотрудников. Новая организация, новые темпы. Вы знаете, что я руководил двумя районными управлениями и оба вывел по показателям в лидеры. Особенно по раскрываемости!

– Мне кажется, что вы о чем-то другом хотели поговорить со мной, нет? – напомнил Быков.

– О другом? Нет, уважаемый Алексей Алексеевич, не о другом, а о том самом. Я хотел вам предложить мирное соглашение – вы не мешаете работать мне, а я не мешаю вам. Взаимовыгодное сотрудничество, если хотите. Вы в своей погоне за нарушителями Устава, со своей неумемной энергией в «охоте на ведьм» нервируете сотрудников, отвлекаете от выполнения своего долга. Остыньте немного. Я не буду мешать вам там, где ваше вмешательство необходимо, а вы, уж извините, советуйтесь со мной, посвящайте меня в свои планы!

– Надеюсь, что вы этим разговором преследуете самые благие цели, – кивнул головой Быков. – Я никогда не действую вне рамок закона – это отличительная черта моего характера и мой конек. В данном случае, по положению, я подчиняюсь только одному должностному лицу – начальнику ГУВД. Согласен, когда возникнет необходимость, когда на каком-то этапе дело коснется ваших непосредственных подчиненных, я подумаю о том, чтобы посоветоваться лично с вами. Но только в том случае, если у меня не будет оснований полагать... Кстати, вы, по-моему, куда-то спешили.

– Знаете, Алексей Алексеевич, – уже приоткрыв дверь и выставив одну ногу на асфальт, нахмурился Рамазанов, – есть одна хорошая поговорка, не

рекомендующая мочиться против ветра. Так вот...

– Всего доброго, товарищ полковник, – перебил его Быков.

– Ну-ну, – усмехнулся тот и вылез из машины.

Быков завел мотор и рванул с места. Краем глаза он заметил проходившего мимо Антона Копаяева. А может, это просто ему показалось. Что-то подсказало Быкову, что нужно менять все планы, и он, позвонив Антону на мобильный телефон, перенес встречу на тридцать минут позже и на конспиративную квартиру.

Антон явился вовремя. Как всегда, с порога пронзил начальника своим холодным взглядом, усмехнулся и уселся в кресло ждать объяснений. Быков эту манеру своего подчиненного уже усвоил и перестал сопротивляться. Пока ему все не скажешь, Антон не отстанет – не мытьем, так катаньем, но своего добьется. Лучше уж время не терять и объяснить все сразу.

– Я тут подумал, Антон, – начал Быков, хмуря свое рыжее безбровое лицо, – и решил, что, наверное, ты прав.

– Вы решили меня еще какое-то время использовать нелегально? А что хотел от вас этот полковник? Кажется, это был Рамазанов.

– Этот Рамазанов – теперь заместитель начальника ГУВД и моя головная боль.

– Он вам угрожал? Требовал лояльности?

– Ты что, по губам научился читать? Или подслушивал?

– Я просто решил прогуляться мимо, когда он выходил из вашей машины, – улыбнулся Антон. – Честное слово – случайно! А что это там он намекал про ветер, против которого не рекомендует чего-то делать?

– Расслышал, значит, – ворчливо проговорил Быков. – Ну а раз расслышал, то и спрашивать нечего. Разговор вышел не очень приятный, заносчивый какой-то.

– Ладно вам, Алексей Алексеевич, я же понял, что он вам угрожал. Пытался вербовать вас в союзники, чтобы ненароком его людей не задели, да?

– Примерно, – неприязненно проскрипел Быков. – И, самое главное, у меня на него ничегошеньки нет. Знаю, что личность неприятная, знаю, что по головам лезет вверх, а предъявить нечего, даже намеков нет. Очень осторожная сволочь, грамотно свои делишки обставляет. Не может такого быть, чтобы у него связей в криминальной среде не было.

– И никаких «хвостов»?

– «Хвосты» есть, но только «хвосты». Этот Рамазанов – один из тех, кто возил чемоданами деньги в Москву во время внеочередной переаттестации, когда из милиции полицию делали. За многих полковников возил, когда их подчиненные наличными скидывались из своих скудных зарплат. А кое-кто и кредиты в банке брал, чтобы свое место в новой структуре купить.

– Алексей Алексеевич, – улыбнулся Антон, – я все хочу вас спросить: а вы-то как сами через переаттестацию прошли? Вас-то как пропустили? Или вы тоже платили?

– А ты можешь представить себе дурака, который бы предложил мне заплатить за это? Кто-то мою фигуру проворонил в то время. Да и я тогда начальником Управления не был.

– А сейчас многие бы дорого заплатили, – усмехнулся Антон, – чтобы вас с этой должности убрать или вообще из органов.

– Так, давай-ка к делу, лейтенант! – недовольно проворчал Быков. – Это все эмоции, а они нашей работе помеха. Рамазанов у нас пока в планах стоит, как пожарная каланча в тумане. И знаешь, что есть, знаешь, что не маленькая, а глазом не видна. Чтобы доказать нарушение Рамазановым долга, его отношение к противоправным действиям или к совершенным преступлениям, мне нужны доказательства бронепробойные, термоядерные. Его «на арапа» не возьмешь. Его и с доказательствами взять будет не так просто, потому что за него вступятся такие могучие силы, которые... которые умудрились за спиной правительства превратить хорошую идею с реформой МВД в чистую клоунаду, к тому же капитально заработали на этом. Так что я двадцать раз подумаю, чтобы тягаться

с Рамазановым в весовых категориях. И ты это запомни, дружок!

В этот день Антон всегда приезжал на могилу матери. Это был его день памяти. Не день, когда ее хоронили, не день рождения, а именно день смерти, как его определили эксперты. Антону всегда казалось, что все произошло именно в тот день и час, когда мамы не стало. Именно тогда, когда она, изувеченная, перестала дышать после нескольких часов, что пролежала под обрывом реки, он и почувствовал ту боль в груди. Он был еще подростком, школьником, он еще не имел опыта душевных переживаний, опыта сострадания. Поэтому эта глубокая боль его так и шокировала. Тем более что он почувствовал связь с мамой на расстоянии. Никогда он не задумывался об этом, не чувствовал этой связи, а тут, в момент ее смерти...

Теперь Антону казалось, что она так и не прервалась, что существует до сих пор. Он никогда и никому не рассказывал, как раз в год приходит на могилу мамы и разговаривает с ней. Он смотрит на выгоревшую фотографию на памятнике и слышит в себе ее голос. И каждая такая встреча придает ему силы, добавляет чего-то такого, что помогает жить. Наверное, это и есть материнская любовь, которая не оставляет детей и после смерти.

Антон неторопливо шел привычным маршрутом по тщательно выметенным дорожкам старого Сибирского кладбища. Вот уже много лет оно числится действующим лишь условно, потому что хоронить на нем разрешают лишь родственников тех, кто был похоронен раньше. Антон видел много новых могил, новых памятников внутри оградок.

Для него расхожая шутка на тему, что жизнь очень вредна для здоровья, потому что от нее даже умирают, имела свой глубокий смысл. Как-то так сложилось в его голове, что не смерть стояла за трагедией в его семье, а именно жизнь. Смерть – это так, формулировка. А умирают люди, трагически гибнут именно от жизни. Она калечит, она убивает, она лишила его матери.

Вот и могила актера Екатеринбургского драмтеатра Владимира Павловича Кадочникова. Эта могила – последний шаг перед вступлением в прошлое, когда Антон еще мог смотреть на мир обычным взглядом. Уникальный ведь актер, его надо было снимать и снимать, а он сыграл едва ли в трех фильмах. И самая известная роль, по которой актера запомнили миллионы зрителей, фактически

эпизодическая, но как сыграна. Это роль подпоручика Семена из фильма «Белое солнце пустыни».

Антон вздохнул, кивнул могиле актера, как старому знакомому, и ступил на последнюю аллею. В конце ее была могила мамы. Вон и березка над ней повесила свои ветки-руки, вот и сердце сжалось в груди гнетущей грустью и застарелой болью. Мама!

– Здравствуй, Тоша, – услышал он внутри голос со знакомыми модуляциями, который никогда и ни с каким другим не перепутает.

– Здравствуй, мама...

– Как ты повзрослел, какой стал красивый! Совсем как отец.

– Я все такой же, мама, – горько возразил Антон, – ты мне это уже говорила в прошлый раз. Просто ты хочешь, чтобы твой сын был самым-самым.

– Конечно, Тоша! Я же мать. Ты и есть у меня самый-самый: самый красивый, самый умный, самый сильный. Я очень переживаю за тебя, беспокоюсь.

– Вот так у вас, женщин, всегда, – усмехнулся Антон, – никакого логического перехода. Раз я самый-самый, так чего же беспокоиться?

– Не ту ты профессию выбрал, Антошенька! Зачем тебе все это, почему ты не хочешь жить, как живут другие люди? Ведь столько уже лет прошло, а ты все жжешь себя этим огнем. Жить надо, любить надо. Я внуков хочу посмотреть... хотя бы сверху, если уж при жизни не дано было.

– Мама, – в который уже раз за эти годы хмуро возразил Антон, – ты же знаешь, что я не могу простить того, что с нами случилось, не могу! Нельзя такое прощать, ни по каким законам нельзя – ни по государственным, ни по человеческим.

– Ты полицейский, а разделяешь законы? Разве закон не один? – удивилась мать, и Антону даже показалось, что он ощутил ее грустную улыбку. – Закон ведь должен быть один, для всех один. А ты вот решил себя законом возомнить,

мстителем стал. Хорошо ли это? По-людски ли это?

– Я не закон собой подменяю, я не мщу! Я борюсь с теми, кто снова совершает то... Мама, пойми, что люди на службе закона должны быть во сто крат честнее и порядочнее других граждан! А у нас получается наоборот. Это уже не месть, мама.

– Я очень хочу, сынок, чтобы ты научился любить людей.

Антон закрыл лицо руками. Это было очень больно, это было невыносимо, когда мать называла его «сынок». Она говорила так очень редко, и именно в те минуты, когда сердилась на него, когда он поступал совсем уж плохо... тогда, в детстве. И это огорчало Антона, потому что мама как будто мгновенно отдалялась от него.

– Ты должен учиться любить и прощать, – продолжала она. – Задумайся над тем, что управляет этим миром. Не злоба, не зависть, нет, Тоша, этим миром правят любовь и прощение, на них все держится. А иначе он давно бы превратился в скопление черноты и беспросветности.

– Полюбить преступников? – задумчиво спросил Антон. – Научиться прощать их? Тех, кто калечит людям жизнь, насилует, убивает, ворует? Да ведь это же только развяжет им руки, только обрадует их. Нет, мама, я должен их за эти руки отвести в суд, а потом в тюрьму. А вот потом, когда сядет последний, я подумаю о том, что их можно и пожалеть. Понимаешь, не могу я жалеть тех, кто еще не совершил преступление, но вот-вот совершит, кто не просто готов к этому, а хочет этого, жаждет!

Это был очень старый спор. Антону иногда казалось, что у этого спора не было начала и никогда не будет конца. Бесконечный, как Вселенная, и такой же абстрактный, если смотреть на нее из глубины атмосферы одной маленькой планетки под названием Земля, если судить о ней с точки зрения жрущего и плодящегося насекомого. Но Антон не хотел оставаться насекомым, поэтому каждый раз бросался спорить и отстаивать свою точку зрения, точку зрения человека, считавшего себя ответственным за все, что происходит вокруг.

Всех преступников и всех мерзавцев он поймать за руку не мог чисто физически, поэтому выбор определила сама жизнь – личное отношение, личная

заинтересованность, личная беда, толкнувшая его на этот путь. Пусть это будут люди в полицейской форме, тем более что от них вреда гораздо больше, чем от всех остальных преступников.

И сегодня спор снова закончился ничем. Антон настоял на своем праве быть мстителем, мама грустно согласилась, что такое право у него есть, только, как всегда, попросила не черстветь душой. И опять произнесла странную фразу, которую Антон не мог понять долгие годы. Была ли эта фраза его мамы или его собственной, он не знал, но она гласила, что милостив может быть даже палач. Антон долго размышлял о смысле этой фразы, а недавно решился спросить у полковника Быкова.

– Как-как? – На мгновение рыжее, будто с подпалинами, лицо Алексея Алексеевича приняло загадочно-философское выражение, что бывало с ним довольно редко. – Интересно ты завернул! А знаешь, – вдруг отвернулся он к окну и уставился на бледно-розовый закат над горами, – может, в этом и есть глубокий смысл. Делать свое дело с ненавистью, с бушующими в душе эмоциями – гарантия полного провала.

Антон непроизвольно передернул плечами – опять намек шефа на то, что он своим делом занимается не как профессионал, а как средневековый мститель. Он себя таковым не считал и даже обижался на подобное сравнение, будучи уверенным, что он лишь борец за идею.

– Эмоции, Антон, никогда не способствовали рассудительности, – продолжал Быков. – А нам с тобой надо быть хладнокровными. Можно делать свое дело и равнодушно, но это будет другой крайностью. Из равнодушного никогда не получится настоящий профессионал. Мы с тобой должны просто любить свою работу, понимать ее нужность и важность. Понимать, что никто, кроме нас, не сделает ее лучше. Отдавать себе отчет, что это наш долг.

Собственно, как тогда показалось Антону, Быков на его вопрос не ответил, или ответил, но слишком туманно. Почему-то сегодня эта старая фраза звучала в мозгу иначе. Откуда-то всплыло словосочетание «убить без ненависти». Может, это и есть ответ, может, именно в этом и таится глубокий смысл – палач должен выполнять свой долг, но не имеет права ненавидеть? А раз так, тогда самому Антону до профессионализма еще очень далеко, потому что он очень ненавидит преступников в погонах. Правда, он и не палач, но что это меняет?..

Настрой у него сегодня какой-то странный. Мир представлялся, словно потерявшим яркость красок, люди раздражали, шум городских улиц был невыносим. Антон даже замедлил шаг, когда впереди показались часовня и ворота в ограде кладбища. Все те же четверо пожилых женщин и все тот же одноногий дед с костылем. Он всегда подавал им милостыню, когда выходил с кладбища, подавал машинально, не из сострадания, а потому что так принято. Он прекрасно знал, что в городе практически нет настоящих нищих. Всеми командуют бригадиры, расставляют по улицам, подземным переходам, вокзалам и кладбищам, а в конце рабочего дня они сдают им выручку и получают зарплату. Но на кладбище думать об этом не хотелось.

Антон сунул уже руку в карман куртки за кошельком, но вдруг увидел, как в калитку юркнул мальчик лет двенадцати, а следом с завидной скоростью ворвался здоровый парень с бритым черепом. Лицо у него было зверское, ненавидящее, и Антон уже пожалел, что автоматически сработала реакция, когда он мгновенным броском поймал мальчишку за руку и притянул к себе.

– Спасибо, братан, – кивнул бритоголовый и протянул руку к мальчишке: – Ну!

Пацан усмехнулся, мастерски сплюнул сквозь зубы, высыпал ему в ладонь горсть мелочи с парой бумажных «десяток» и детским голоском, но не с детскими интонациями бросил:

– Да на, волчара!

Антон вытянул руку и остановил бритоголового, который замахнулся.

– Еще увижу здесь, – рыкнул парень, – пополам порву! Всем скажи!

Антон отпустил мальчишку, когда бритоголовый удалился в сторону ворот. Паренек шмыгнул носом, еще раз сплюнул и поднял немытое лицо на Антона:

– Че, легче тебе стало, да? Ну, поймал, и че? Я бы себе хлеба купил, а эти морды в ресторане прожрут. Знаешь, сколько они за день собирают со своих точек?

– Ты чего разорался? – грустно улыбнулся Антон. – Я тебя, вообще-то, при совершении преступления задержал. Знаешь, как это называется?

– Пошло, поехало! – по-взрослому вздохнул пацан. – Ты легавый, что ли? Ну, веди в участок, но только без толку все это.

Выглядело все это скорее комично. Эдакий маленький бунтарь! А вон у оградки какой-то могилы в зарослях сирени сидят за столиком еще четверо. Тоже бунтари-бродяжки. Не оборванцы, но явно давно не мылись и не стирали одежду.

Эту проблему Антон знал еще с институтских времен. Теперь в полицейских вузах уже не говорили, что источниками бродяжничества среди детей и взрослых является неблагополучие в семьях и стечение обстоятельств. Теперь ученые уверенно заявляют, что склонность к бродяжничеству заложена на хромосомном уровне. У кого-то она есть, а у кого-то ее нет. И примеры приводятся, когда в благополучной, абсолютно нормальной, чуть ли не эталонной семье сын постоянно убегает из дома, ночует на чердаках и в подвалах. И никто: ни родители, ни соседи, ни сам мальчишка – не может объяснить причин этого. Дома и сытно, и чисто, и родители не ругают, и ничем не обделяют, а вот тянет его, и все.

– Твои? – кивнул Антон в сторону лавки.

– А че? – сразу сделал злое лицо пацан и отступил на шаг, приготовившись бежать. – Мы тебе мешаем?

Антон почему-то был уверен, что это одна компашка пацанов, промышлявших на этом кладбище.

– Слушай, ты там что-то насчет пожрать говорил, – улыбнулся Антон как можно приветливее. – Там через дорогу киоск есть. На тебе деньги: купи курицу-гриль и напитокка какого-нибудь. Я бы с вами тоже перекусил.

Мальчишка посмотрел округлившимися глазами на протянутую ему тысячную купюру, потом молча взял ее, подозрительно взглянул на этого странного светловолосого парня и махнул своим друзьям.

– Э-э, я щас!

Антон проводил взглядом убежавшего пацана и не спеша двинулся к его приятелям. Подойдя к лавке, он с удивлением увидел, что мальчишек здесь всего трое, а четвертой была девочка. Худая, высокая, хотя по возрасту вроде бы младше остальных.

- Можно с вами посидеть? - спросил он.

- Место некупленное, - проворчал один из мальчишек, отодвигаясь на всякий случай на другой конец лавки.

На Антона компания смотрела настороженно, но с интересом, видели, как он их дружку деньги давал.

- Курить есть? - с некоторой наигранной развязностью заговорил самый мелкий из пацанов.

- Не курю, и вам не советую.

- Ты полицейай, штоль?

Антон обвел взглядом малолеток. Смотрели на него иронично, немного настороженно, но без страха. Как на чудака. Он вдруг вспомнил свое детство. Сначала благополучное домашнее, потом интернатовское, когда похоронил маму. Там он с такими встречался. Такими же независимыми, не признающими никаких авторитетов, живущими только сегодняшним днем. Ощувив какое-то внутреннее родство с этой ребятней, Антон просто сказал:

- У меня мама здесь похоронена. А вы, видать, полицию не любите. А почему «полицейай»? Это ведь во время войны так называли...

- Да знаем! - перебил его другой мальчишка. - И эти не лучше. Нищих обирать - это как, нормально? Они специально их сюда поставили, а потом дань с них берут, за то что «крышуют».

- Мою маму милиционер убил, - неожиданно для себя самого произнес Антон. - Тогда так полиция у нас называлась.

– Они могут, – загалдели ребяташки. – У Нинки вон матуху в камере застудили, а теперь ее в интернате держат... А у меня батяня ни за что сидит!

За несколько секунд Антон наслушался такого, что хватило бы на несколько сюжетов для романов или фильмов. Ребяташки выпаливали свои истории с негодованием, без всякой бравады. Единственное, что сквозило в их интонациях, – это оправдание своему образу жизни, какой-то нигилизм вперемешку с подростковым максимализмом. Все плохо, все плохие – ну и ладно, мы против всех и на всех плюем.

А потом прибежал Аркашка, так звали того мальчика, которого он посылал в магазин. К большому удивлению Антона, Аркашка даже вернул ему сдачу. Смешно было то, что он всем купил пепси-колы, а доброму незнакомцу персональную коробку натурального сока. Курицу компания прикончила минут за десять, а потом солидно закурили и откинулись на спинку лавки. Антон не стал возражать и ругать детвору за курево. Здесь они могли делать, что хотели.

Он не заметил, как пролетело три часа за разговорами, за совсем не детскими историями жизни, только хмурился и в основном молчал. Ему было очень неприятно, даже стыдно, потому что практически в каждой истории присутствовал момент, когда недобросовестный сотрудник полиции сделал что-то гадкое, преступное, непростительное, что повлияло на человеческие судьбы, на судьбы вот этих ребяташек. С одной стороны, Антон понимал, что просто сейчас попал именно в ту среду, где такое и случается. Попади он на вечеринку студентов, скажем, госуниверситета, то там бы подобных историй не услышал.

А потом почему-то подумал, что и там могло бы быть нечто похожее. Инспектор ДПС, вытягивающий деньги из нарушителя правил дорожного движения, следователь, подтасовывающий факты так, что невиновный человек начинает чувствовать себя преступником и вынужден платить, чтобы следователь «принял меры». Мало ли, какие там тоже можно выслушать истории! Главное, что в ребяташках он сейчас уловил озлобленность и ненависть.

Антон так и не сказал им, что он сам лейтенант полиции. Можно было признаться, убедить, что он не такой, намекнуть, что он-то как раз и борется с плохими полицейскими. Только поверили бы ему эти ребяташки, добавило бы это уважения ему в их глазах?

Глава 2

В психиатрическую лечебницу Антон приехал специально вечером. Нужный ему пожилой врач как раз дежурил, и можно было поговорить с ним спокойно и без свидетелей. Правда, действовал Антон по легенде, как приятель одного из пациентов. Быков попросил его навеститься и проконсультироваться с врачом негласно, так сказать, получить неофициальную консультацию. Дело касалось травмы головы, в результате которой человек лишился рассудка. А у Быкова были подозрения, что пострадавшего, избив, довели до такого состояния в одном из отделений полиции.

Из больницы Антон возвращался уже поздно ночью, шел по пустынным улицам и размышлял. Травма головы могла привести к такому эффекту, шансов на исцеление – пятьдесят на пятьдесят. Что он вспомнит, где и кто его избил – столько же. То есть ничего особенно утешительного. Надеяться можно, а гарантировать медицина ничего не может. Применить какие-то экстренные методы для восстановления памяти врач не рекомендовал, пока существует очаг в головном мозге.

Антон решил срезать угол, пройдя через железнодорожные пути мимо товарной станции, торопиться было некуда, потому что Быков ждет от него доклада только завтра утром.

Вдруг впереди он заметил девичью фигурку в короткой легкой юбке. Первая мысль, которая тут же пришла в голову, что расхаживать одной в темное время суток в таких безлюдных местах девушкам не стоит. И уж тем более в такой юбке, которая больше соблазняет и возбуждает, чем скрывает. Отогнав от себя эти неуместные мысли, Антон снова стал думать о своих делах, но девушка, мелькнувшая впереди, никак не выходила у него из головы. Может, предчувствие опасности, интуиция?

Он прибавил шагу, двигаясь практически бесшумно, чему научила в свое время служба в спецподразделении. Жилые дома неожиданно закончились, и началась промзона. Точнее, потянулись какие-то пакгаузы и склады, имеющие отношение к товарной железнодорожной станции. Вместе с жилыми домами закончилось и нормальное уличное освещение. Остро запахло дизельным топливом и моторным маслом – все признаки приближающейся железной дороги.

Девушку Антон увидел снова возле перехода через пути, выложенного старыми деревянными шпалами. И девушка на этот раз была не одна, правда, на неожиданную встречу с приятелями или просто со знакомыми это тоже не очень походило. Во-первых, девушку держали сразу за две руки, а, во-вторых, она отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться. Было еще несколько признаков, которые позволяли оценить ситуацию как криминальную. «Догулялась», – с раздражением подумал Антон. Но здравый смысл тут же подсказал, что существуют тысячи причин, которые могли заставить одинокую девушку идти поздним вечером темными безлюдными районами. Значит, надо выручать ее! Возможно, придется и подраться. Точнее, немного побить этих типов, а, по мнению Антона, кулак до сих пор оставался лучшим способом убеждения, несмотря на то что на дворе двадцать первый век. Надавать этим уродам, которые понимают только язык силы и уважают только силу. И не заморачиваться.

Но заморачиваться, может быть, придется, если у преступников не хватит сообразительности и нормальной осторожности, чтобы убежать. Вдруг какой-то идиот из них достанет нож или, того хуже, пистолет, тогда кое для кого эта встреча закончится плачевно. Антон будет вынужден объясняться со своими коллегами во время расследования и выслушивать замечания Быкова, недовольного тем, что Антон публично «засветился» своей службой в полиции, ведь в протоколе допроса надо указать место работы.

Антон сбавил шаг, чтобы привести дыхание в соответствие с предстоящим развитием событий. Теперь он ясно видел, что девушку действительно держат, что она вырывается, что один из подонков роется в ее сумочке. Непонятно только, почему жертва не кричит, не зовет на помощь. Всякое бывает: может, перепугалась до такой степени, что горло перехватило, может, ей пригрозили. Всякое бывает – даже вот такие тихие ограбления. Странно, но не настолько, чтобы останавливаться и ломать себе голову.

Антон усмехнулся, потому что получилось так, что и он избрал тихий способ защиты девушки. Без всяких там воплей на расстоянии с требованием оставить ее в покое и убираться. Он подходил медленно и осторожно, рассчитывая на близкой дистанции обескуражить злоумышленников своим неожиданным появлением.

Первым появившегося из темноты Антона увидел тот, что рылся в сумочке, и молча уставился на незнакомца. А через несколько секунд на него пялились три

пары мужских глаз и одна пара женских.

– Что за беда? – осведомился Антон. – Девушка, вам помощь не нужна?

– Пустите меня, мерзавцы! – забилась она в руках крепких парней, которые с ухмылочками смотрели на Антона.

Третий, державший в руках сумочку, видимо, любил покрасоваться перед публикой. Он брезгливо скривил губы и, демонстративно подержав двумя пальцами сумочку, бросил ее на землю, после чего, приподняв одну бровь, вразвалочку двинулся к Антону, обходя своих дружков и вырывающуюся девушку. Было понятно, что этот тип сейчас, так же позируя, попытается сбить незадачливого незнакомца с ног. Потом его немного попинают, чтобы побыстрее дошло, какой опасности он подвергался из-за своей пресловутой смелости, затем бросят девушку и уйдут. А она, всхлипывая и причитая, будет промокать платочком кровь на его лице. Наверное, все так и произошло бы, будь на месте Антона другой человек.

Главарь наконец приблизился вплотную к спокойно ожидавшему его Антону и поднял на него глаза, светившиеся глумливой злобой. Знакомый взгляд излишне уверенного в себе человека. Иногда приятно бывает разуверить такого типа и научить его впредь несколько иначе относиться к незнакомцам. Мало ли!

Короткий и мощный удар в солнечное сплетение должен был сложить Антона пополам, а дальше – все по стандартной схеме. Но дела у грабителей сразу пошли не так, как они планировали, и не так, как привыкли их проворачивать. Антон ждал этого удара. Короткий разворот всем корпусом и легкий толчок руками заставили главаря всем телом проскочить мимо жертвы. Слишком много он вложил в свой удар, и вся его сила, вся масса тела пронесли мимо цели.

Антон чуть отступил назад и спокойно ждал продолжения. Лица парней, державших девушку, уже не были такими безмятежными, на них проступило откровенное удивление, даже озабоченность. Зато на лице главаря, когда он повернулся к незнакомому наглецу, отразилась целая гамма чувств и эмоций. Будь у этого типа в кармане оружие, он бы наверняка его выхватил. Но оружия, видимо, не было.

– Ты че, бессмертный? – бешено вращая белками выпученных глаз, прохрипел главарь. – Я тебя, падла...

Антон не стал дожидаться продолжения фразы. Он резко выбросил свою руку вперед, навстречу вытянутым к нему лапищам главаря, и поймал его за пальцы правой кисти. Дальше все происходило, как в дешевом фильме, потому что главарь не знал таких приемов и предпочитал грубую силу. Он орал и крутился перед Антоном, но все же послушно свалился на колени с вывернутой рукой. Небольшим рывком Антон мог бы сломать ее в двух местах, но пришлось сдержаться.

– Отпустили девушку и исчезли, пока я кого-нибудь не изувечил! – прорычал Антон, сверля парней грозным взглядом.

Он чуть усилил давление, и главарь в его руках заорал. Однако здравого смысла у парней не хватило на то, чтобы просто ретироваться и оставить в покое незнакомца, поняв, что он им явно не по зубам. Они одновременно отпустили девушку, которая от неожиданности оступилась и упала на землю, и так же одновременно оказались по обе стороны от Антона, готовые к нападению.

Пришлось применять методы не совсем популярные. Антон мог бы справиться и с тремя противниками, но его инструкторы всегда говорили, что судьбу не надо испытывать, а надо любыми доступными способами количество нападающих сокращать до минимума. Сейчас готовы были напасть двое, но если Антон хочет принять боевую стойку, он должен отпустить главаря. А это значит, что нападающих будет уже трое.

Ударив главаря подъемом ноги под челюсть, отчего тот взмахнул руками и опрокинулся на спину, Антон сделал два быстрых шага назад и влево. Теперь перед ним два противника, причем на одной линии. Такому маневру во время рукопашной схватки с несколькими противниками Антона тоже учили. Чем меньше противников к тебе одновременно могут подойти, тем лучше.

Левый, который теперь был ближе, оказался осторожным. Он не кинулся наносить удары кулаками, сгибать наглеца пополам и совершать другие необдуманне поступки. Наоборот, некоторое время примерялся, делал обманные движения, прежде чем решился на удар ногой в область бедра. Это было глупо, потому что рассчитано на дилетанта. Блок, захват ноги в области щиколотки

сгибом руки и рывок вверх с одновременным поворотом – вся сила удара грабителя, предназначавшаяся Антону, теперь была перенаправлена самому противнику. С коротким матерным ругательством парень грохнулся на землю лицом вниз, освободив поле боя своему товарищу.

Антон быстро посмотрел на главаря, который держался за лицо и пытался принять сидячее положение. Этот пока не опасен, опасен третий, выглядевший толковее своих приятелей. Это Антон понял по боевой стойке, которую тот принял. Первое же обманное движение, и бандит грамотно ушел всем корпусом в сторону.

Какой бы серьезной подготовка ни была у этого третьего, она все равно на ступень ниже подготовки Антона. Не надо было ему давать времени на передышку, надо было нападать сразу, пока Антон находился в невыгодном положении и захватом кидал на землю его дружка. Теперь время упущено.

Антон знал безошибочный способ, как за короткое время свалить противника. Надо его поймать на контратаке. Каждый единоборец, боксер, даже фехтовальщик натренирован на схему «защита-ответ». Это уже стало рефлексом, который можно использовать против него, если у тебя достаточно мастерства. У Антона его было более чем достаточно.

Рванувшись вперед и мгновенно сократив расстояние до противника, он блокировал и перевел в сторону удар ногой, и провел два быстрых удара в корпус. На этом защитная реакция противной стороны закончилась. Поскольку он не добился успеха, то машинально должен был отойти на позицию защиты, но этого Антон ему сделать не дал. Он уловил момент, когда тот, увлеченный серией ударов, потерял часть контроля, и нанес ногой прямой толчковый удар ему в живот. Парень непроизвольно взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но за его спиной как раз, очухавшись, поднимался главарь, и два тела с матерной бранью снова грохнулись на землю.

К большому удивлению Антона, троица грабителей не стала предпринимать попыток к реваншу, а, огрызаясь и кряхтя, стали помогать друг другу. Шипя и изрыгая угрозы, они поспешно двинулись влево по проходу между складами, где было мало фонарей. Поле боя осталось за Антоном. Он подумал, что девушка ему, кажется, помогла, закричав «полиция». Это было странно, потому что за год, как сменилось название этой организации, Антон практически не слышал, чтобы в минуты стресса кто-то называл ее по-новому. Обычно по старинке

говорили «милиция».

– Как вы? – приветливо улыбнулся Антон и протянул девушке руку, намереваясь поднять ее с земли. – Вставайте, теперь все позади.

– Как вы здорово дрались, – принимая помощь, ответила она, отряхивая юбочку, которая игриво и фривольно колыхалась, открывая ровные стройные ножки.

Антон задержал свой взгляд на ногах чуть дольше, чем это позволяло элементарное приличие, и невольно смутился. Еще не хватало, чтобы эта перепуганная девчонка заподозрила и его в возможных в ее адрес домогательствах. Хотя она – молодец, и выглядит не такой уж и испуганной. Антон шагнул мимо девушки и нагнулся за лежавшей на земле сумочкой. Этот последний с его стороны рыцарский жест обошелся ему дорого – он вдруг почувствовал болезненный укол в плечо в районе трицепса, но, даже не успев в негодовании обернуться и вообще выразить свое отношение, потерял сознание раньше, чем оказался на земле, провалившись куда-то в белое небытие.

Девушка тыльной стороной ладони вытерла лоб. Рука, в которой она держала шприц, заметно дрожала. С третьей попытки ей удалось надеть на иглу шприца колпачок. Недавние «грабители» появились из-за угла и быстрым шагом приблизились к ней. Один, прихрамывающий, замахнулся было пнуть ногой бесчувственное тело, но главарь остановил его и молча показал кулак. Ничего лишнего и ничего личного – это просто работа.

Главарь сам принялся рыться в карманах лежавшего на земле светловолосого парня. Мобильный телефон под одобрительное цоканье переключался в карман главаря, опустевший бумажник вернулся в карман жертвы. Девушка, которая недавно разыгрывала жертву ограбления, деловито сняла с руки Антона часы. Больше брать было нечего.

– Из-за чего канитель была! – проворчал один из парней. – Знал бы, не связывался. Денег две тысячи, часы да «мобила».

– Слушайте, – перебила его девушка, – а как он вас разметал-то, а? Не мент ли это? Или еще кто похуже?

– У мента удостоверение в кармане лежало бы, – не очень уверенно возразил тот, кому попало от Антона больше всех.

– А вот не захватил с собой, – вдруг поддержал девушку главарь. – Что-то он мне тоже не нравится. Борзый больно!

– «Перо» под ребро – и вся разборка, – предложил третий, самый молодой в банде. – Вспоминай потом, как звали. То-то он тебе чуть руку не сломал!

– Маковкой иногда работай! – огрызнулся главарь. – За «мокруху» совсем другой расклад будет! Давай вот что: пока он не очухался – в вагон его, и пусть едет к морю. Пока в себя придет, пока сообразит, что да как...

Через несколько минут три темные фигуры подтащили к товарному составу бесчувственное тело. Главарь стал что-то энергично шептать и доказывать, и через минуту откатили дверь пустого товарного вагона и затащили тело внутрь. Самого молодого из банды посадили, и он с натугой закрыл тяжелую дверь. Лязгнул накладной замок, в который загнали ржавый штырь, чтобы он не соскочил от вибрации.

– Все, чувак, – удовлетворенно отряхнул руки главарь, воровато оглянувшись по сторонам, – дальняя дорога тебе светит. Мы тебя не видели, ты – нас...

Меньше чем через час грузовой состав тронулся и, неторопливо набирая скорость, двинулся по железнодорожной ветке на Уфу. В одном из пустых вагонов, в самом хвосте состава, на полу лежал Антон Копаев, и его голова безжизненно покачивалась, когда колеса дробно стучали по стыкам рельсов на стрелках.

Игра в карты закончилась. С шутками в адрес жен, доставших уже своими призывами, мужики потянулись наконец к подъездам. Дом 15 по улице Сосновой в райцентре Сарапинск был типичным старым домом типичного старого поселка. Трехэтажный, из серого теперь уже кирпича, двор с разномастными сараями, веревки с бельем, которое, впрочем, на ночь убирают. А было время, что и на ночь оставляли.

Сашка Рубин и Колька Милютин домой не спешили. Вечер был душный, у каждого осталось по полбутылки уже теплого пива, и возвращаться потеть в

квартиру не хотелось. Низко свисавшие ветви деревьев над столиком, где по вечерам мужики играли в домино и карты, уже источали своей листвой свежесть и ночную прохладу. Хорошо было посидеть перед сном, допивая пиво, покурив последнюю перед сном сигаретку. Просто потрепаться ни о чем со старым дружкой, с которым выросли в этом дворе, вместе ушли в армию, и вот уже пятнадцать лет снова дружат, теперь уже семьями.

– Че-то всех позвали, а наши молчат! – ухмыльнулся по-доброму Рубин, потирая грудь под белой майкой. – Не ждут нас сегодня спать, а?

– В такую жару впору хоть раскладушку во двор вытаскивать, – лениво проворчал Милютин, вытирая потную шею и бритый череп снятой рубашкой.

Сиделось хорошо, да и небо сегодня было что-то уж больно звездное и тихое. Громкие голоса раздались справа от дома и стали приближаться. Оба тридцатипятилетних мужика посмотрели в сторону раздававшегося шума и поморщились. Терпеть они не могли поведения кое-кого из современной молодежи. Раздражали демонстративное неуважение и даже наплевательское отношение к окружающим, неумение и нежелание контролировать свои эмоции, соответствовать хоть каким-то нормам этики.

Парней было человек шесть, с ними шли еще и две девахи в коротких юбчонках, прикрывающих разве что только ягодицы. Все были навеселе, а может, и под «дурью». Истошный истерический смех, вопли, вдобавок один придурок подобрал кирпич и запустил им в кота возле мусорных баков. Страшный грохот пронесся по всему двору.

– Че орете! – первым не выдержал Рубин. – Не видите, что окна открыты? Люди ведь спят.

– Кто там вякнул? – раздалось в ответ с блатными дурацкими интонациями.

Коля Милютин был человеком спокойным, но и он взбеленился от такой наглости. Так отвечать взрослым мужикам, да еще в их дворе! Рубин остановить его не успел, и сам тут же вскочил с лавки.

– Так, кто тут недоволен? – Из-под ноги Сашки Рубина со звяканьем отлетела бутылка. – Отморозки недоношенные! Срыгнули отсюда на улицу!

Все произошло быстро. Если бы мужики не были расслаблены большим количеством пива, если бы они здраво оценили состояние компании молодчиков, которые обязательно будут выпендриваться перед своими деваками, возможно, все закончилось бы не так печально.

Девчачий визг разлетелся в тишине двора, крики парней, матерщина, звон разбитого стекла, хлесткие удары, глухие пинки, а потом женские пронзительные крики из окон. Когда во двор стали сбегаться соседи, кто прямо в семейных трусах, кто натянув старенькие трико, когда заголосили женщины в наспех запахнутых халатиках и бигудями под косынками, все уже закончилось. Сашка сидел на коленях рядом с другом, держа его окровавленную голову. Рядом лежали осколки разбившейся вдребезги пивной бутылки.

Жена Милютина Верка не голосила, молча рухнула рядом с мужем на колени и только гладила его по лицу, глотая слезы. Кто-то закричал, что «Скорую» и ментов уже вызвали, кто-то побежал ловить эту пацанву, пока далеко не ушли. «Скорая помощь» приехала в самом деле довольно быстро. Кольку Милютина на носилках затолкали внутрь и увезли вместе с Веркой, которая так и поехала в больницу в домашнем халатике.

Сашка Рубин побрел домой, отмахиваясь от Аллы, все норовившей рассмотреть его разбитое лицо и пощупать ребра. Его раздражало, что жена так откровенно радуется всего лишь нескольким ссадинам на его лице и теле. Оба ведь слышали, как врач «Скорой помощи» сказала, что у Кольки серьезно пробит череп и нужна срочная операция.

Звонок в дверь раздался на следующий день в семь вечера. Алла вошла на кухню бледная, следом появились двое молодых людей.

– Саша, это из полиции, – сдавленным голосом прошептала жена, сжимая побелевшими пальцами халатик на груди.

– Не надо так волноваться, – сразу же начал вошедший первым смуглый парень и представился: – Старший лейтенант Рассказов, «Северный» отдел полиции. Мы по поводу вчерашней драки у вас во дворе. Вы в курсе, что Милютин находится в тяжелейшем состоянии и может не выжить?

Рубин отложил ложку, которой хлебал щи, и стал вытирать полотенцем рот. Вид у него был угрюмый. Жена прижалась спиной к стене и затравленно переводила взгляд с мужа на полицейских и обратно, чувствуя недоброе.

– Поговорить бы надо, Рубин, – предложил Рассказов и по-хозяйски прошелся по кухне, попутно выглянув зачем-то в окно.

– Спрашивайте, – кивнул Сашка и полез через стол за сигаретами к подоконнику.

– Не здесь. Лучше сразу у нас в отделе. Там и показания с вас снимем, и другие действия произведем.

– У нас и бланков с собой нет, – поддакнул второй, который все время молчал у двери. – Мы попутно к вам зашли, а надо, чтобы все было официально.

Вялая попытка угостить полицейских ужином или хотя бы напоить чаем у Аллы провалилась. Разумеется, не удалось дать поужинать и мужу. Сашка сурово глянул на жену, намекая, что лезет не в свое дело, и пошел одеваться. Потом Алла смотрела в окно, как муж с двумя полицейскими постояли у подъезда, что-то обсуждая, и Сашка уверенно направился к своей «Ниве», стоявшей возле гаража. На этой машине они и уехали. Какая-то странная тревога душила женщину, к горлу подступала тошнота страха и неизбежной беды. Она пыталась убеждать себя, что с мужем ничего случиться не может, что он ни в чем не виноват, что все ее страхи из-за Сашкиного дружка, их соседа. Чем кончится для Коли Милютина травма черепа, еще неизвестно, может, и не выживет даже.

Рубин не очень волновался, когда вез на своей же машине себя в полицию. Скорее он был раздражен, что никого из отморозков так и не поймали. Они с Колькой даже навешать никому из них хорошенько не успели. Может, эти двое, что пришли за ним и теперь ехали рядом в машине, хотят показать в отделе фотороботы или фотографии подозреваемых? Наверняка у них есть сведения об этих мерзавцах. Или других таких же, что шатаются вечерами по улицам и ищут приключений.

Примерно с такими мыслями Рубин вошел в кабинет, на котором успел заметить табличку с надписью «Отделение уголовного розыска» и перечень фамилий под словами «оперуполномоченные». Рассказов предложил садиться на стул сбоку от стола, уселся сам и протянул руку.

– Дайте ваш телефон.

Рубин машинально достал его из кармана брюк и протянул инспектору. Тот взял аппарат и небрежно бросил в выдвижной ящик стола. Второй полицейский навис рядом, облокотившись на спинку стула, и молча сопел в ухо. Что-то было не совсем так, как это представлял себе Рубин.

– Так почему тебе, Рубин, попало меньше, чем Милютину, а? – задал странный вопрос Рассказов и вперился своим темным недобрим взглядом в глаза задержанного. – Вместе вмешались, вместе сцепились с пацанами, его ухайдакали бутылкой по голове, а ты как огурец!

– Не понял, – опешил Рубин. – В каком смысле? Он первым кинулся, а я за ним. Почему его ударили? А хрен его знает, могли и меня огреть первого. Просто так получилось...

– Не п... – вдруг заорал в ухо второй, обрызгав Рубина слюной. – Ты с ними в сговоре был! Ты их знаешь! Ну кто они?

– Ты че, охренел? – отстранился Рубин, насколько позволяла спинка стула. – Ты че мелешь? Моего дружка...

Договорить свою полную возмущения реплику он так и не смог. Резкий удар раскрытой ладонью в затылок заставил чуть ли не удариться лбом о крышку стола. Это был не столько болезненный удар, сколько унижительный. Но забыть об унижении заставил второй удар – в солнечное сплетение.

Рубин задохнулся от неожиданности, потому что не успел напрячь мышцы брюшины и ослабить удар. Цепкие сильные пальцы вдруг схватили его за кисти рук и вывернули их назад. Прделано все было мастерски, так что, хотя Сашка Рубин был мужиком не слабым, он ничего не смог сделать. Холодный металл наручников обхватил кисти рук, а потом вместе со скрежещущим звуком пришла острая боль – наручники сжали его руки до отказа.

– Че делаете, гады... – заорал Рубин, но тут рука оперативника сжала его горло, а головы коснулось что-то шелестящее.

Большой магазинный пакет, накинутый на голову Рубину, оперативник стянул на шее. Рассказов зло скалил зубы и держал колени задержанного, чтобы тот не начал драться ногами. Всего несколько вдохов, и пакет плотно облепил лицо жертвы – дышать ему было там внутри уже нечем.

– Давай, падла, колись! – орал в ухо второй опер, державший пакет. – С кем был в сговоре? Кто Милютина по голове ударил? Зачем ты все организовал?

Дикими были обвинения, диким был способ допроса, дикой была сама ситуация. Все было дико, нелепо, как в ином измерении, куда Рубин вдруг неожиданно попал. Куда-нибудь в гестапо, в подвалы НКВД, в камбоджийские застенки Пол Пота. И ощущение нереальности происходящего мешало сопротивляться, подавляло волю, не давало сосредоточиться, собраться с мыслями.

Дальнейшее Александр Рубин помнил, как в тумане. На него орали, требовали признаний, ему угрожали такими нелепыми пытками, что даже не верилось. А потом пришли еще двое. Один, как он понял, был начальником уголовного розыска. И он тоже стал орать и оскорблять, говорить про какую-то бутылку. А потом Рубина повалили грудью на стол и стали срывать с него брюки. Это было унижительно, жутко... Рубин бился с отчаянием обреченного человека, потому что слышал об этом раньше. Из фильмов, из разговоров, из книг он кое-что почерпнул, имел представление, что такое «опустить» мужика, как это делали в колониях. Причем не всегда естественным и не только естественным способом. Очень часто вот так же – черенком швабры, горлышком бутылки.

Рубин орал и бился из последних сил, он сходил с ума от боли в голове, когда его держали за волосы, от унижительного осознания и боли в анальном отверстии, где ерзало стеклянное горлышко... Сколько все это продолжалось?..

А жена дома не находила себе места. Сначала она просто волновалась, считая это состояние вполне естественным. Потом уложила трехлетнюю дочь спать, и ее одолела паника, стал вдруг бить странный нездоровый озноб, халат прилип к спине из-за ледяного вонючего пота. Страх, страх, страх...

Алла схватила телефон и дрожащими пальцами стала набирать номер мобильного мужа. Длинные гудки как будто просверливали ухо и впивались в мозг – Саша не отвечал. Она металась по пустой темной кухне и все время смотрела на часы. В десять часов вечера паника достигла предела. С трудом

попадая пальцами в нужные кнопки, Алла смогла наконец отправить Саше эсэмэску, что она с дочерью идет к нему в отделение.

Маленькая Дашулька начала капризничать и никак не хотела вставать. Алла чуть не сорвалась в истерику на дочь, но вовремя взяла себя в руки и, глотая слезы, уговаривала дочь отправиться за папой. Даша расплакалась.

В половине одиннадцатого Алла была уже в дежурной части отдела «Северный». Она чуть не по плечи влезла в окошко дежурного, допытываясь о своем муже. Но дежурный капитан только орал на нее, утверждая, что задержанного по фамилии Рубин у него нет.

Потом откуда-то сверху спустился тот самый парень, который приходил вечером домой к Рубиным вместе с другим, представившись старшим лейтенантом.

– Я Рубина! Вы приходили сегодня к нам домой с этим, с Рассказовым... – борясь с судорогой, сводившей скулы, выпалила Алла. – Где мой муж?

– Там, – угрюмо повел головой куда-то вверх и в сторону оперативник.

– Пустите нас к нему! – Алла попыталась схватить парня за руку, но он вовремя отшатнулся и открыл дверь на лестницу. – Или пусть он сюда выйдет, к нам!

– Он не выйдет, иди домой! – огрызнулся парень и захлопнул дверь перед носом ополоумевшей женщины.

Она стояла посреди комнаты дежурной части и покачивалась. Глаза застилал туман, голова кружилась, мысли ускользали. Что делать, что делать? Звонить? Куда? Кричать, взывать? Что делать? Дочь начала плакать, и от этого паника у Аллы только усилилась.

И тут в кармане куртки коротко и призывно пропиликал мобильный телефон. Эсэмэска! Алла, судорожно роясь в складках одежды, почти вырвала телефон из кармана и посмотрела на экран. От Саши!

«иди домой я здесь останусь все в порядке»

Без заглавной буквы, без знаков препинания! И почему написал, почему не звонком? Алла кинулась к стеклу, отгораживающему дежурного, и стала барабанить в прозрачную преграду. Какой-то сержант выскочил и стал оттаскивать женщину от стекла... Истерично закричала Дашулька... Алла вырвалась и бросилась к запертой двери, которая вела на лестницу. Она стучала ногами и кулаками в дверь и опять что-то кричала.

И тут сверху раздался, как будто в ответ ей, жуткий нечеловеческий крик. Крик боли, отчаяния, безысходности! Алла сразу узнала в этом нечеловеческом вопле голос мужа. Это было так жутко! Она схватила себя ладонями за голову, сжала уши и сползла по стене на каменный грязный пол.

Помощь, нужна помощь! Люди! Что же это такое делается! Не в книжках, не в фильмах, а сейчас, сегодня, вот прямо здесь... Ведь люди же вокруг, полон город людей, друзей, знакомых. Алла схватила на руки дочь, уговорила ее не плакать и вышла на улицу. Она набирала номер за номером, иногда даже не осознавая, чей это номер, а лишь потому, что он забит в «записной книжке» ее аппарата, и сбивчиво объясняла, что ее мужа ни за что увезли в полицию, что его пытаются, мучают, что творится что-то страшное и нечеловеческое. А потом номера кончились, и звонить было уже некому. Алла снова взяла дочь на руки и вошла в здание полиции.

А потом дверь открылась. Какой-то парень вышел, не успев захлопнуть дверь, и Алла, юркнув в дверной проем, побежала по лестнице на второй этаж. Вот и крики! Мужские голоса, резкие, угрожающие. Алла, спотыкаясь, пробежала по коридору и рванула дверь кабинета. Как ей удалось сохранить самообладание и не упасть в обморок, она не знает до сих пор. Тот полицейский, который приходил за мужем и представился старшим лейтенантом Рассказовым, буквально опешил. Наверное, он никак не ожидал увидеть здесь жену задержанного и не сразу сообразил, как поступить.

Саша сидел на стуле как-то боком и смотрел в пол невидящими глазами. Только губы у него были безжизненно-белые и мокрые от слюны. Но не это было самое страшное в его облике. Даже не страшное, а жуткое, потому что неестественное, необъяснимое, неуместное. На воротнике рубашки, на плечах мужа клочками лежали его волосы. Да и одежда на нем была в таком состоянии, как будто ее на Сашу надевал кто-то другой и впопыхах.

– Саша! – тонким отчаянным фальцетом выпалила Алла. – Саша, что случилось?

– Ничего, – глухо и странно ответил муж, не поднимая глаз.

Возникло ощущение, что он совершил что-то постыдное, недостойное, из-за чего не может смотреть жене в глаза. Это было жутко!

– Саша, что с тобой, скажи мне! – почти завизжала Алла и бросилась к мужу, чтобы растрясти его, пощупать руками, убедиться, что это не кукла, не робот, а живой человек, ее муж Саша...

Она не успела сделать и двух шагов, как маленький кабинет вдруг взорвался шумом, криками нескольких раздраженных голосов, матерщиной.

– Б... кто ее сюда пустил! Уберите ее на х...!

Алла не старалась обернуться и посмотреть на тех, кто вошел в комнату, кто хватал ее за руки, ловил их, когда она вырывалась с неженской силой, кто орал на нее, обзывал. Она до последнего пыталась увидеть глаза мужа и докричаться до него. Это только потом она вспомнила, как грубо ее выталкивали, как били, а иногда и волочили по полу. Как с ноги у нее слетела босоножка, и ее вышвырнули за дверь вместе с хозяйкой.

Кто-то помог ей встать. Алла подняла лицо и увидела Галю – соседку из квартиры напротив, потом увидела знакомых с работы, из их дома, двоих ребят с работы мужа. В дежурной части скопилось человек десять, и все кричали, возмущались и чего-то требовали. Галя успокаивала и говорила, что Дашульку она отправила домой со своей старшей дочерью и что волноваться не надо. Но Алла, глотая слезы, кричала, что не может не волноваться, потому что это надо было слышать и видеть, что это гестапо, а не полиция. Она кричала, что это не полицейские, не сотрудники уголовного розыска, а какие-то гопники. Что их надо было видеть: какие-то все мелкие, прыщавые, с наглыми лицами, а одежда, как... как...

Из состояния истерики Аллу вывела новая ситуация. Оказывается, тот, кто командовал и больше всех орал там наверху, когда Аллу били и вытаскивали на лестницу, теперь командовал и здесь. Это потом она узнала, что его фамилия Василков, что он капитан и начальник уголовного розыска. А сейчас этот щуплый

невысокий молодой человек кричал, махал руками и даже сам хватал людей и тащил к решетке, занимавшей в нише сбоку целую стену.

Восьмерых человек в дежурной части затолкали в «обезьянник», и этот капитан приказывал всех «пробить», кричал, что со всеми разберется. Аллу от всего этого накрыла какая-то холодная рассудительность. Ее еще потрясывало, но голова работала четко и даже как-то отстраненно от действительности. Вторая часть рассудка подвела Аллу к стенду на стене, где перечислялись какие-то органы, отделы и телефоны, по которым рекомендовалось звонить. И Алла нашла, а потом стала выписывать. Телефон доверия УВД, дежурный УВД по городу, Управление собственной безопасности. Она машинально и каким-то внутренним чутьем угадывала, какие телефоны надо выписывать.

А рядом все время была Галя. Это она настояла, чтобы позвонить в «Скорую помощь». Алла сразу согласилась, потому что вспомнила состояние мужа там, наверху. Она не слышала, как Галя дозвонилась и стала вызывать бригаду для самой Аллы. И только когда подъехала белая «Газель» с красными полосами и из нее стали выходить люди в синих медицинских костюмах, она почувствовала, как в самом деле у нее болят руки. В суставах, которые ей выкручивали, возле кистей, где ее хватали руки оперативников, в локте, которым она ударилась о стену и перила лестницы.

Галю все время отгоняли, потому что она пыталась помочь, когда Алле обрабатывали ссадины и синяки на руках.

– Девушка, не лезьте вы грязными руками, – сердился молодой врач «Скорой». – Сестра сама видит, где обрабатывать.

Алла понимала, почему врач сердится. Понимала и молчала, ждала, когда закончат с ней, чтобы сказать главное. Оттягивала этот момент, потому что боялась, нет, даже была уверена, что врач ее не послушает.

– Доктор, вы туда пройдите, там еще есть люди, которым нужна медицинская помощь, – торопливо говорила она, когда медсестра закрывала свой блестящий чемоданчик. – Там мой муж на втором этаже, ему плохо. А еще за решеткой люди, которым тоже нужно помочь.

– Что вы говорите! – хмурился доктор еще больше. – Кто меня туда пустит? Было бы нужно, нас бы вызвали. А так... вызова не было. И вообще, женщина, у нас серьезные вызовы, нас люди ждут...

Врач еще что-то говорил такое же нелепо-обидное, про настоящих больных и настоящих пострадавших. И Алла не обижалась на него. Она почему-то сразу поняла, что врач боится, что он ничем не может помочь и ничего не может предпринять, даже если бы и захотел. Ее мысли были заняты другим: она перебирала в памяти имена и фамилии тех, кому можно еще позвонить, у кого попросить помощи. Или вспомнить наименование организаций, которые могут вмешаться. Прокуратура, суд, администрация города и района? Господи, но сейчас же ночь, там же никого нет!

И Алла в который уже раз начинала снова и снова рассказывать такой же заплаканной Гале об увиденном в кабинете, о том, как ей было жутко. Жутко не столько от увиденного, сколько от осознания, что все это происходит в их стране, в их городе и в реальном настоящем времени. Такого просто не может быть, а оно вот – есть! И еще о том, как теперь жить и сознавать, что организацию, которая с самого детства воспринималась как защитница, как коллектив храбрых, умных и мужественных людей, которые борются с преступностью, оберегают своих граждан, надо бояться в первую очередь, потому что против них нет никакой управы. Грабителя, насильника, вора – этих всегда можно поймать за руку и привести в полицию. А куда привести саму полицию? Как ее схватить за руку? Как дальше жить и сознавать, что это беззаконие, этот беспредел ненаказуемы?

Алла окончательно сорвалась и начала клясть себя, что потащила Дашульку в ночь и в этот ужас, что надо было оставить ее у той же Гали, не подвергать такому стрессу. А потом подъехала «Лада» пятнадцатой модели с надписью «Полиция» на боках, из машины вышел худой майор и быстрым шагом двинулся к двери отдела.

– Вы откуда? – бросилась к майору Алла. – Вы по звонку, да? Это я звонила, это моего мужа там пытаются!

Майор посмотрел на Аллу пустыми глазами, в которых читалось только желание побыстрее закончить свой визит и завалиться спать.

– Я – Алла Рубина, я звонила везде: и на «телефон доверия», и начальству, и даже в Управление собственной безопасности! Скажите, вы откуда?

Напор женщины был настолько яростным, что майор замедлил шаг и снисходительно представился:

– Майор Сидимов, Управление собственной безопасности. Че вы хотели?

Это брезгливое «че», брошенное сверху вниз, сразу одним ударом убило всю надежду, еще теплившуюся в душе женщины.

– Да вы понимаете, что тут происходит? – начала горячиться Алла, хватаясь за последнюю реальную возможность достучаться до тех, кто является для этих молодых оперативников начальством. – Да тут невинных хватают, пытаются, бьют, волосы выдирают. Меня избили, когда я пыталась к мужу пройти...

– И что? – вдруг заявил майор со странной интонацией. – Прямо убили? Разберемся, кто тут виноватый, а кто нет. У нас просто так не хватают. Есть основания, значит, задерживаем.

Алла продолжала объяснять и шла следом за майором в дежурную часть. И тут ей в голову пришла новая удачная мысль. Вот же доказательство! И она бросилась показывать майору задержанных знакомых, которых заперли в «обезьяннике», потому что они приехали ее защитить. Но дежурный по отделу резонно возразил, что эти люди ворвались и учинили злостное хулиганство, что еще придется разбираться с вопросом оскорбления офицера полиции, находящегося при исполнении служебных обязанностей, с оказанием сопротивления и что-то там еще. Что как минимум им светит административный арест, а, возможно, суд назначит и приличные штрафы.

Он говорил еще что-то, а потом они с майором зашли за стеклянную перегородку, и голосов стало не слышно. Алла снова вышла на улицу в состоянии, близком к панике. Она огромным усилием воли старалась эту панику в себе погасить, понимая, что только от нее зависит вызволение мужа из этого ада. И вовремя вышла, потому что к отделу подъехала полицейская «Газель» с заметной надписью «Телефон доверия» на борту. В груди Аллы с новой силой вспыхнула надежда. Ведь дозвонилась же, ведь приехали! Эти уж должны же разобраться и помочь. У этих же должны быть полномочия против

СВОИХ.

Не очень молодая женщина в форменном кителе выбралась из машины и тоже двинулась к двери отдела. Алла кинулась навстречу, заламывая руки.

– Вы по моему звонку, да? – стала спрашивать она, чувствуя, что интонации у нее стали какие-то заискивающие, умоляющие. – Это я звонила вам, Рубина, тут...

Договорить Алла не успела, потому что женщина неторопливо проследовала мимо нее, скрылась за одной дверью, потом за другой. Именно проследовала, как поезд неторопливо следует мимо станционных построек. Невозмутимо, равнодушно. Эта женщина Аллу не видела, не заметила, прошла, как мимо неодушевленного предмета, как проходят мимо столба, каких много на улице, как мимо почтового ящика в подъезде, потому что они там на стене всегда. У Аллы подогнулись ноги, и, если бы не Галя, она бы рухнула прямо на ступенях отдела.

Это потом Галя ей рассказала, как приехал начальник отдела Ефимов. Как она сама видела, что этот майор Ефимов пустое место. Как с ним оперативники разговаривали, как его начальник уголовного розыска чуть ли не по плечам покровительственно хлопал. Такое ощущение, что они хозяева отдела, а не Ефимов. Правда, после приезда начальника из «обезьянника» стали выпускать задержанных. Кое-кто рассказал, как они общались с бомжами и хулиганами. Настоящие правонарушители посоветовали не особенно выпендриваться. Говорили, что Ефимов человек новый, но при нем все равно стало спокойнее и лучше. А вот при его предшественнике вообще было гестапо, тот настоящий зверь с садистскими наклонностями! Они со своим дружкой Василковым и изобрели бутылку для допросов и «убеждения».

А потом все как-то быстро закончилось. Алле казалось, что прошли чуть ли не сутки – столько пришлось пережить, затем она сообразила, что на улице еще темно, даже утро не наступило, только три часа ночи. И тут вывели ее мужа.

Алла больше ни о чем Сашу не расспрашивала. Она молча и сурово взяла его за руку и повезла утром на медицинскую экспертизу.

Вскоре приехал из командировки Сашкин брат – Алексей и тоже подключился к борьбе за справедливость. Сам Сашка никуда почти не ходил, а жена с братом

обежали множество инстанций. И везде одни и те же отговорки, отписки, что заявление передано на рассмотрение. В тех же случаях, когда удавалось хоть парой слов перебраться с начальником хоть небольшого уровня, в ответ они слышали смешки и видели улыбочки. И слова: «Вы так говорите, словно там работают одни извращенцы!»

А Алексей как-то пришел из Управления собственной безопасности, куда носил заявление, и напился вдрызг. Потом сквозь хмель, матерясь, рассказал, как ему там в лицо смеялись, отпускали грязные комментарии и отвечали, что это все их фантазии и байки. Как Алексей сдержался, чтобы в морду не дать, он и сам не знал.

Алла еще не поняла, что ничего и не кончилось для их семьи. Для психики мужа этот случай даром не прошел, у него начались проблемы даже с потенцией. А сколько звонков было и намеков, сколько приглашений прийти и побеседовать. И сколько ночей они не ночевали дома, отправив дочь на все лето к родственникам и живя с отключенными телефонами и потушенным светом. Вообще живя в жутком животном страхе, в ожидании мести, еще более жестокого наказания за то, что посмели жаловаться, звонить и писать...

Глава 3

Антон проснулся от ощущения сухости во рту. Ему трудно было дышать, казалось, что толстый распухший язык запал в глотку и мешал проходить воздуху. Затылок болел, спина ныла от долгого лежания на жестком. Почему-то он сразу понял, что долго лежал на жестком. И еще в голове звоном стоял перестук вагонных колес, значит, он находится в поезде. Только не хватало привычных ощущений, которые связывались с поездкой на поезде. Что-то не соответствовало. Ведь поездка на поезде – это купе или плацкарт, люди, относительно мягкая полка...

Поезд остановился, и Антона дернуло по полу во время остановки так, что он стукнулся головой. Опершись руками, с грехом пополам принял сидячее положение. Вагон, только не настоящий, и темнота. Сознание как-то сопротивлялось и включалось неохотно. Вагон, вагон... Грузовой вагон! И пустой... и закрытый, потому что темно.

Антон перевернулся на колени, снова оперся руками о грязный пол и встал на ноги. Пошарив по карманам, он поймал себя на мысли, что не знает, чего ищет. Потом подсказка пришла – мобильный телефон. У него аппарат такого типа, что в нем есть встроенный фонарик. Только аппарата в кармане нет. Обидно. А где телефон, а где он сам сейчас, почему в вагоне, почему лежал? Пьяный был?

Очень медленно, почти с ощутимым скрипом, как открывающаяся ржавая петля, сознание восстанавливалось, возвращалась память. Антон помнил, что он работает в полиции, но это нужно от всех скрывать. Почему? Этого он не помнил. Он вспомнил даже, что приезжал в психиатрическую клинику на консультацию. А потом – как отрезало! И еще Антону было жутко плохо.

Он нащупал рукой холодный металл и прижался к нему лбом. Может, он что-то путает, может, забыл, может, у него помутнение рассудка? Может, он в этой клинике был не для консультации, а лечился в ней? Может, ему там что-то вкололи? Смутное беспокойство одолело Антона, но больше в своих воспоминаниях он не продвинулся ни на шаг.

Вагон снова дернулся, чуть не свалив Антона на пол, и поезд медленно тронулся, потом поехал все быстрее и быстрее. Ясно было, что из этого вагона надо выбираться. Антон походил вдоль стен, подергал все, за что могла ухватиться рука, но ничего такого, что послушно откатилось бы в сторону, не нашлось. Проклятие, он же хорошо представлял себе эти товарные вагоны, как у них откатывается дверь! Заперта снаружи? Тогда вверху с обеих сторон есть люки под самым потолком, в которые можно вылезти. Если они тоже не заперты.

Антон снова принялся курсировать в темноте, но столкнулся теперь с другой проблемой. Он не мог дотянуться до люков, потому что ему не на что было встать. Вот это ситуация! Антон уселся на пол, прижавшись спиной к доскам, и задумался. Пить хотелось страшно, голова болела, но это все терпимо. Пока. А вот как отсюда выбираться? Он и так черт знает куда уже уехал, потому что неизвестно, сколько провалялся на полу. Хотя, судя по всему, снаружи ночь. Хотя! Это могли быть и вторые сутки, следующая ночь.

Кричать и барабанить в стенки вагона, видимо, было бесполезно. Поезд сейчас ехал вне населенных пунктов, и никто Антона все равно бы не услышал. Чтобы услышали, поезд должен остановиться в людном месте, желательно в большом населенном пункте. Все предельно просто, оставалось только дожидаться

большого населенного пункта.

Такой вариант Антона не устраивал, потому что он не хотел оказаться завтра в Уфе или Набережных Челнах. И не хотел сообщать, что работает в полиции. Это смешает какие-то важные планы. Тогда что же делать? Надо вспоминать, что из себя представляет товарный вагон, какова его конструкция. И еще как-то бороться с этой дурнотой.

Антон решил еще немного посидеть, а то он от ходьбы в темноте по вагону сильно устал. Что же с ним случилось? Неожиданно откуда-то из глубины сознания, как мыло из скользких рук, выскочило понятие «ретроградная амнезия». Выскочила послушно и легко, как что-то хорошо знакомое. Антон улыбнулся бы, если бы ему не было так плохо, не мутило и не кружилась бы голова.

Потеря памяти и «ретроградная амнезия»! Мысли потекли ровнее: небольшая временная потеря памяти, временное нарушение работы головного мозга, при котором человек не может вспомнить ближайшие события. То, что произошло непосредственно перед событием, вызвавшим потерю памяти. Похоже, потому что про могилу мамы он помнил, про работу в полиции – тоже. Даже про психиатрическую клинику помнил, но тут накатывало волнение: вдруг он там лечился и сбежал?

Скорее всего, нет, успокаивал себя Антон, подобное нарушение может быть следствием ушиба, повреждения головного мозга, отравления, психической травмы. Все правильно: в институте им говорили, что данная форма потери памяти отличается от иных тем, что невозможность вспомнить недавние факты сочетается с яркими и четкими воспоминаниями фактов, произошедших очень давно. Успокаивало и то, что данная форма амнезии излечима. Через какое-то время все события возвращаются в память больного. Паниковать не надо! Надо думать про вагон!

И Антон старательно стал вспоминать, как в его представлении выглядел современный товарный вагон. И вспомнил. Вспомнил, что теперь они обшиты не досками, а железом. Так что через стену не проломиться. Косые, V-образные опоры каркаса, обваренные или на болтах, но все же листы железа. А на полу? На полу доски, но, наверное, толстенные. Ломом их только отдирать, но лома в вагоне, скорее всего, нет. И быть ему тут неоткуда.

Косые? И тут до Антона дошло, что каркас стен вагона как раз и подходит для того, чтобы по нему лазить. Стараясь не спугнуть мысль, он плавно встал и пошел вдоль стены, придерживаясь за нее рукой. Вот и конец вагона. Тут, где-то над головой в стене, и есть это злосчастное окошко. Он на ощупь выискивал выступающие болты, наклонную поверхность балок. Ему удалось подняться, цепляясь неизвестно за что, где-то сантиметров на пятьдесят-семьдесят от пола, когда рука нащупала то, что он и искал. Край проема и крышку люка, которая плотно к нему не прилегала.

Уцепившись двумя руками за край проема люка, Антон постарался найти опору и установить ноги так, чтобы не соскользнуть. Теперь освободить одну руку и нащупать сам люк. Вот он, зараза! И что его там держит? Судя по звуку, всего лишь какая-то не очень толстая проволока снаружи. После трех ударов кулаком створка люка открылась, распахнувшись и продемонстрировав Антону светлеющее небо, а потом больно ударила по пальцам. От неожиданности он отпустил руку и тут же грохнулся спиной на пол вагона.

Застонав от боли, перевернулся на живот. Кажется, ничего не сломал, но крестец и пару позвонков ушиб. И затылок, хотя и удалось смягчить удар. Черт, ладонь и локоть ободрал! Полежав немного, Антон попытался собраться с силами. Главное, не упасть снова, потому что во второй раз может так легко не отделаться.

Он поднялся, подошел к стене и стал нащупывать те опоры, те болты, которые ему один раз уже помогли подняться к люку, но все это куда-то волшебным образом исчезло. Мистика! Антон громко выругался самым страшным и грубым ругательством. Полегчало! Более того, сразу нашелся тот болт со скобой, за который ему было удобно подтянуться. Потом ногу вбок, распереть себя второй ногой, руку вверх, вот и кусок толстой проволоки. Еще немного, и руки ухватились за край люка. Крышка бряцала и скакала при движении и из-за порывов ветра. И еще она больно била по ушибленным пальцам.

Держась за край проема люка, поднимать свое тело выше было уже удобнее. Немного помучившись, Антон наконец оперся локтем, вторым и повис в люке на подмышках, жадно вдыхая свежий утренний воздух, который несся ему прямо в лицо. Еще через пять минут ему удалось проташить через люк свое тело, свесить ноги и осмотреться. Больше никаких уступов, болтов и иных опор под ногами и в пределах досягаемости, нет и тормозной площадки, да и не выручила бы она его в этой ситуации.

Оставалось последнее – прыгать. «Ну, десантник!» – подбодрил сам себя Антон и постарался вспомнить ногами способы приземления, особенно когда их учили бороться с волочащим тебя парашютом. Бетонные столбы проносились мимо с устрашающей скоростью. Антон стал считать, и получилось, что каждый столб проносился мимо на цифре «пять». Этого для прыжка было слишком мало.

Теперь он пожалел, что вылез из вагона. Сил забраться назад уже не было, а сколько он так сможет провисеть? Антон посмотрел вперед по ходу поезда, и надежда снова проснулась в нем. Поворот! В сером утреннем свете он хорошо различил, что железнодорожный путь поворачивает влево и исчезает за деревьями лесополосы. А раз поворот, то машинист должен сбросить скорость. Не может же он нестись так же, как на прямом участке.

Висеть было трудно. Руки устали, пальцы резал край проема люка, а поезд все не сбавлял скорости и не сбавлял. Антон стал опасаться, что пальцы разожмутся, и он просто упадет. От этой мысли руки в самом деле стали заметно слабеть. Знакомое ощущение, когда мысли материализуются и влияют на твое состояние. Это называется паника и панический рефлекс организма. Антон стал старательно думать о другом, о том, как сейчас поезд пойдет медленнее, как он приновится, выберет место и момент и прыгнет. Очень внимательно нужно выбирать этот момент, чтобы не покалечиться.

Немного помогло. Антон отвлекся от мыслей о своих пальцах, и они еще некоторое время исправно держались за железо. Наконец закрипели тормозные колодки, тело качнулось вперед, по ходу поезда. Тормозит! Он выждал еще минуты две, когда скорость заметно упала, потом снова прикинул расстояние между столбами. Теперь от столба до столба получалось «десять». Нормально!

Отталкивался он не только коленями, а еще и всем телом, чтобы отпрыгнуть от вагона хотя бы на метр. Отталкиваясь, а потом уже в полете, принял положение «спиной вперед». Ноги послушно нащупали землю в короткий миг касания, а потом тренированный организм все вспомнил сам и все сам сделал. Антон спружинил, сгруппировался и перекатился через спину. Удар был сильным, но обошлось без травм. Три переката, потом поворот на бок, потом еще два переката с боку на бок, и он распластался на траве возле железнодорожной насыпи. Гроыхающий темный силуэт состава с красным огоньком на последнем вагоне уходил в предутреннюю дымку. Приехали!

Ощупывая себя и с кряхтением поднимаясь на ноги, Антон стал осматриваться по сторонам. Это, конечно, не Европа, не Подмосковье и не Украина, где в пределах десяти-тридцати километров обязательно обнаружится какой-нибудь населенный пункт, хутор, лесничество или железнодорожный переезд с будкой смотрителя. Средний Урал теперь тоже район относительно густонаселенный. Не зря же электрички ходят из Екатеринбурга в соседние областные центры. И при этом остановки у них через каждые двадцать-тридцать минут.

Антон подумал, что лучше залезть на высокое дерево и осмотреться, но понял, что это вряд ли удастся – руки не удержат. Ноги, кстати, его тоже держали не очень хорошо. В принципе это не Африка или Австралия. Если идти все время прямо, то обязательно пересечешь какую-нибудь автомагистраль. А там можно остановить попутку и...

Осмотрев себя внимательно и оценив состояние своей одежды, Антон пришел к выводу, что ни один разумный человек в наше недоброе время на загородной трассе такому типу машину не остановит. Джинсы грязные, рукав куртки порван, да и сама куртка выглядит так, словно ею мыли полы.

Вздыхнув, Антон бодро зашагал по шпалам вслед ушедшему поезду. Точнее, это он сам себя убеждал, что зашагал бодро. Решение было вполне обоснованным и продиктовано полной безысходностью положения. Насколько ему удалось вспомнить, поезд давно не проходил больших населенных пунктов, значит, больше шансов за то, что ближайший населенный пункт или просто жилье в той стороне, куда ушел поезд. Это же элементарно!

И Антон побрел, как он оценил направление, на юго-запад. Скоро организм приноровился, вошел в ритм, а чувство усталости притупилось. Он шел размеренным шагом, стараясь думать о чем угодно, только не о еде. Есть хотелось сильно, и это, с одной стороны, радовало. Это означало, что организм здоров, что он не отравлен до такой степени, чтобы желудочно-кишечный тракт не работал. Омрачало эту радость сознание, что у него нет ни денег, ни документов. Проблема получения пищи вырисовывалась слишком туманно, а способ возвращения домой вообще пока не просматривался.

За всеми этими размышлениями Антон не заметил, как небо совсем посветлело, как загорелся над деревьями горизонт, потом разом вспыхнул золотыми отсветами. Тут же заголосили птицы. Антон остановился и невольно засмотрелся на восход солнца. Кажется, в последний раз он наблюдал это явление еще в

армии во время учений. А ведь как красиво! Вот небо стало светлым и ярким, вот первые лучи, вслед за которыми сразу показался верхний край солнечного диска. Он на самом деле имеет сейчас огненный оттенок, это потом он станет ослепительно-белым и потеряет краски, а сейчас солнце яркое, огненное, даже ощущается его здоровый живительный жар.

Лес вокруг просыпался, просыпалась жизнь, просыпался новый день. Куда-то уполз жиденький болезненный туман из ложинок, мир заиграл четкими контурами и яркими настоящими красками вместо ночных размытых очертаний. И даже воздух, в котором только что ощущалась только ночная сырость и прелость, стал душистым, насыщенным тысячей ароматов хвои, трав и цветов. Откуда-то появились мошки, лесные шмели, бабочки и стрекозы, как будто их выпустили из одной большой коробки, которая запирается на ночь. День начался!

Настроение у Антона улучшилось, но общее состояние оставляло желать лучшего. Он определил для себя главным только отдых и еду при первом же появлении жилья. Все остальное, включая и воспоминания, – потом, во вторую очередь.

И как только он пришел к этой мысли, перед ним за очередным поворотом железнодорожного пути открылся долгожданный вид. Железнодорожные пути раздваивались, потом переходили в четыре ряда, а дальше, в самом конце, виднелась характерная верхушка простой, но такой милой сердцу водонапорной башни. Станция, поселок, что угодно, но там есть вода! Антон понял, что на самом деле он уже не может бороться с жаждой, – она сожгла его, иссушила внутри. Вода сейчас – это для него самое главное.

Первым делом Антон припал к колонке. Старая милая колонка – железная, холодная, потная от выступившего на ней конденсата, с большой полукруглой головой и оттопыренной сбоку ручкой. Как хорошо ощутить рукой эту влагу на металле, нажать на эту ручку и почувствовать ухом и рукой, как вырывается давление, как гудит внизу вода, поднимающаяся по трубе. А потом кран выплевывает брызгами первую порцию, вслед за которой ударяет в желоб на земле тугую ледяную струю живительной и такой вкусной воды.

Антон жадно пил, мочил голову и грудь. Потом отдыхал и пил снова, стараясь не заполнять желудок ледяной влагой, а увлажнять слизистую оболочку рта, как его когда-то учили.

– Эк, сыночек! – услышался за спиной старческий голос. – Нешто тебя по земле волочили?

Он обернулся и увидел старушку в черном лоскутном переднике и белом цветастом платке, повязанном под подбородком. Добродушная такая, чистенькая старушка, к которой сразу появляется доверие, и в голову приходят ассоциации с горячими пирожками на сковородке, крынкой молока под чистой проутюженной тряпицей. Или это давал о себе знать голод?

– Почти, бабуля, – стараясь не блеснуть голодными глазами, согласился Антон. – С поезда я упал.

– О, господи! – в ужасе схватилась рукой за грудь бабка. – Это тебя как же угораздило-то? Выпимши, что ли, был?

– Ограбили меня, – с готовностью пояснил Антон. Ему почему-то показалось, что больше сострадания он вызовет в роли непьющего человека. – Уснул ночью, а меня ограбили и выбросили из поезда на ходу.

Бабка запричитала, крестясь и осматривая незнакомого парня с ног до головы. Видимо, впечатление от внешнего вида сошлось в ее голове с образом человека, падавшего из вагона на ходу поезда.

– Тебе теперь надо к участковому или прямо к ним в отделение, – посоветовала она. – Это ж надо, какие злодеи у нас завелись! Страсть-то какая, а я и дверь на ночь перестала запирать, и корову.

– Бабуль, – постарался вернуть старушку к реалиям своего положения Антон, – дай чего-нибудь перекусить, а то я до полиции не дойду. Сил нет.

– И пойдем, сыночек, и пойдем, – закивала бабулька. – Я тебя накормлю и дорогу покажу. Полиция у нас тут недалеко, прямо на станции.

Стараясь быть галантным, Антон предложил свою помощь. Он заполнил водой цинковое ведро бабки и донес его до второго от края поселка дома. Хозяйка деловито семенила рядом и продолжала причитать по поводу происшествия с незнакомцем.

В чистеньком старом доме было уютно. Выскобленные по старинке полы, обилие кружевных салфеточек и полотенчиков, запах трав и хлеба. На фоне этого патриархального благополучия и спокойствия даже запах коровника не раздражал, а, наоборот, умиротворял.

Отказавшись от рюмки водки, как лекарства, Антон умял глубокую тарелку щей, прикусывая подогретыми пирожками с картошкой. Оказалось, что это очень вкусно. Второго блюда у бабки не было, но она поставила тарелку с нарезанным салом и хлебом. И большую чашку со сладким чаем. Чашка была широкая, вся в больших красных цветах, и чай из нее пить было вкусно. И очень не хотелось встать с коричневого деревянного стула и из-за старого круглого стола под белой скатертью. Разморило после сытной еды.

Бабка вроде поняла, а может, просто увидела состояние гостя. Она вывела его на улицу и усадила на широкую лавку под навесом у сарая. Антон некоторое время сидел, наслаждаясь отдыхом и ощущением сытости, потом его глаза стали слипаться. Сон никак не шел, что-то мешало, сопротивлялось ему. Он решил, что это просто возбуждение, чувство опасности, но победить это возбуждение не удалось, в таком полузабытьи он и провел около часа.

Где-то в подсознании возникали образы, но Антону никак не удавалось зафиксировать, распознать этих людей. Он понимал, что они ему хорошо знакомы, а лиц не видел. Были какие-то помещения, потом помещения с двухъярусными кроватями, были женские лица, потом мужские. Затем все свернуло в сторону детства. Антону почему-то приснилась их с мамой старая квартира и такие же салфетки на комод в спальне. Был у мамы старый комод, с которым она не хотела расставаться.

А потом Антон неожиданно проснулся. И, как ему показалось, оттого, что солнце сдвинулось, и его правая нога оказалась уже не в тени, а на самом солнцепеке. Лицо было липким от пота, и опять хотелось пить. Он сел поудобнее на лавке и осмотрел двор. Теперь хорошо, теперь он кое-что начал вспоминать. Однако, как попал в товарный вагон, не помнил, даже фамилии своей не помнил. Бабке представился Антоном, машинально так представился, а вот фамилия вылетела из головы, хоть ты тресни.

Попросив у бабки попить, Антон неторопливо выдул еще одну большую чашку горячего чая, раскланялся со своей спасительницей и отправился в сторону

станции, как ему посоветовала хозяйка. И только за следующим домом свернул в сторону города. Почему-то он знал, что на станции лишь участковый пункт полиции, а ему сейчас полиция совсем не нужна, ему бы сориентироваться в пространстве да придумать себе приемлемый план на будущее. Город ему нужен. То, что это не маленький поселок, Антон понял, когда отошел от бабкиного дома метров на сто. Вдалеке он увидел крыши пятиэтажных домов, утыканные телевизионными антеннами, а потом и девятиэтажки. Разглядел даже несколько высоких современных зданий, которые могли быть офисными зданиями или торговыми центрами.

Цивилизация, знакомая среда. И возможность что-то и кого-то вспомнить, кто мог бы Антону сейчас помочь. Он уже чувствовал, что вот-вот наступит долгожданное прояснение. Только для этого нужен толчок, что ли. И лучше не стресс, а приятные ассоциации. И не только потому, что любой человек не любит стрессы, а потому, что в глубинах подсознания вяло провернулась мысль-воспоминание о том, что вся жизнь Антона была сплошным стрессом. И что с этим связано? Вдруг откуда-то очень ярко всплыло лицо мамы. Молодое, красивое, улыбающееся. И все сразу стало на места: застарелая боль вскипела в груди, провернулась раскаленным жерновом по незаживающим ранам – могила на Сибирском кладбище, человек в милицейской форме, пятящийся к окну и исчезающий в нем, это же тело, но распростертое под окном, и чувство удовлетворения при виде этой картины.

Ничего особенного Антон не вспомнил, кроме разве неприязни к полицейской форме. Потом всплыло желание мстить, но только кому?

Он шел по тенистой окраинной улице и с неудовольствием ловил на себе неприязненные взгляды прохожих. Ладно, не смертельно. Вот только вспомнить бы номер телефона, который крутится где-то рядом в памяти. Такой знакомый. Какая же сволочь выгребла все из карманов? Или...

– Ваши документы, – вывел Антона из задумчивости чей-то властный голос.

Только этого не хватало! Он повернулся и угрюмо посмотрел на двух молодых сержантов полиции. Не слишком плечистые, один ростом даже меньше метра семидесяти, но как держатся. Взгляды уверенные, самодовольные. А этот потянул из кожаной петли на ремне дубинку. Понятное дело! Перед ним здоровый крепкий парень, на голову выше и в плечах шире. И видок у парня, как у землекопа. Может, беглый зэк, может, в розыске, и ему нечего терять.

– У меня украли документы, бумажник, телефон, – как можно дружелюбнее сказал Антон.

– А они вообще-то были? – ухмыльнулся второй, который держал руку поближе к кобуре с пистолетом. – Давно от «хозяина»?

– А по прическе не видно? – тут же ответил Антон.

Оказывается, он помнил, что на уголовном жаргоне, которым частенько пользуются из чувства бравады некоторые полицейские, слово «хозяин» обозначало начальника исправительной колонии. Если бы Антон недавно освободился из мест заключения или недавно сбежал оттуда, то прическа у него была бы очень короткая. Вопрос этого сержанта прозвучал глупо.

– Проходите, гражданин, – отступил на полшага в сторону низенький и показал дубинкой вдоль улицы. – Разберемся.

Антон вздохнул. «Пройти» придется, потому что рано или поздно все к этому и сведется. Ведь он без документов и в незнакомом населенном пункте.

– А что это за город? – спросил он, оборачиваясь к своим конвоирам.

– Ну, ты даешь, – хохотнул низенький. – С какого бодуна прыгнул?

– Трудно ответить? – хмуро осведомился Антон, останавливаясь и поворачиваясь к сержанту. – Просто по-человечески и не унижая человека.

Лицо у сержанта стало каким-то постным и озабоченным. Он собрался что-то ответить, но тут вмешался его напарник:

– Ладно, обидчивый какой! Сарапинск это. Доволен?

– Сарапинск? – удивился Антон и даже присвистнул.

– Не свисти – денег не будет, – серьезно сказал второй сержант. – Давай топай.

Антон послушно двинулся в указанном направлении. Новость его обескуражила, потому что он не ожидал, что состав увезет его так далеко. Сарапинский район – самый дальний район Свердловской области. Хорошо еще, что в своей области остался, а не попал на территорию соседней.

До отдела полиции, который, судя по вывеске, назывался «Северный», они дошли минут за десять. Один из сержантов пошел к дежурному, а Антон устало опустился на лавку возле стены. Хлопнула стеклянная дверь, и в дежурную часть вошел невысокий молодой человек в балахонистом свитере. Остановился на секунду, окинул Антона изучающим взглядом.

– Это что за урод тебе тут лавки пачкает? – громко крикнул он в сторону окошка дежурного.

– Это мы, товарищ капитан, на улице задержали без документов, – пояснил низенький сержант. – Судя по всему, не местный. Спрашивал, какой это город, а потом удивился.

– Да-а? – обрадовался капитан и вплотную подошел к Антону: – И откуда ты к нам прилетел, голубь залетный?

– Я не помню, – честно ответил Антон. – У меня ретроградная амнезия. Документы и деньги с телефоном пропали. Думаю, что меня обокрали, а потом...

– Свои же, что ли? – заржал капитан. – Ты мне по ушам тут не ездил, а то я тебе не только амнезию сделаю, я тебе... – Он замялся, не найдя подходящей рифмы, отчего шутка получилась незаконченной и глупой.

Антон понял, что начинает злиться, и опустил голову, чтобы не выдать своих чувств. Сначала разобраться надо, вспомнить хоть что-нибудь, а потом уж в бутылку лезть.

– А ну, на меня смотреть! – вдруг заорал капитан и толкнул Антона ногой в грудь. – Я тут с кем разговариваю, б...?

– Не надо вот только орать, – сквозь зубы процедил Антон. – Меня врачу показать надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazancev_kirill/ryba-gniet-s-golovy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)